

**ИМПЕРСКАЯ И МОНАРХИЧЕСКАЯ
СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ
ИДЕОЛОГИИ**

Шестые «Муромцевские чтения»

Орел 2014

**БК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6
И 54**

И 54 Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24–26 сентября 2014 г. Орёл Госуниверситет–УНПК. Орел: Издатель Александр Воробьев, 2013. – 416 с.

ISBN 978-5-91468-152-1

В настоящий сборник научных статей вошли материалы шестых «Муромцевских чтений». Они преимущественно посвящены месту и роли имперской и монархической составляющей в либеральной идеологии и политико-правовой практике. Отдельное внимание уделяется истории либерализма в персоналиях, партиях, программатике.

Сборник статей предназначен для всех, интересующихся проблемами истории российского либерализма.

ISBN 978-5-91468-152-1

БК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

© Издатель Александр Воробьев, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	6
Шелохаев В.В. <i>Имперская и монархическая составляющие либеральной идеологии (к постановке проблемы)</i>	6
ИМПЕРСКАЯ И МОНАРХИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ	12
Кантор В.К. <i>Империя как европейская идея</i>	12
Журавлев В.В. <i>Первая мировая война и падение Российской империи (к проблеме «исторической вины»)</i>	61
Хайлова Н.Б. <i>Имперская и монархическая идея: взгляд русских либералов-центристов начала XX в.</i>	75
Вострикова В.В. <i>Либералы начала XX в. о монархии как сущностной составляющей российского исторического процесса</i>	87
Жукова О.А. <i>Имперский порядок и метафизика свободы: христианский социализм В.Ф. Эрн</i>	103
Соловьев К.А. <i>Империя после империи: проект Ф.Ф. Кокошкина</i>	115
Аронов Д.В. <i>Имперский концепт в либеральных проектах Основного закона России начала XX в.</i>	122
Дмитриева Н.В. <i>Имперская идея в либеральной модели национально- государственного устройства России начала XX века</i>	130

Циунчук Р.А. Позднеимперская российская монархия и новый русский монархический церемониал в мемуарах члена Государственного совета Э. Войнилловича.....	139
Санькова С.М. Внешилолиторическая имперская доктрина М.Н. Каткова	148
Тимофеев Д.В. На пути к «благоустроенному государству»: идеальные модели взаимоотношений «государя» и поданного в текстах российских авторов первой четверти XIX века	156
Медушевский А.Н. Закон Токвиля и русская революция (по документам политических партий начала XX в.)	166
Братолоубова М.В. Проекты реформирования государственного устройства России в программных установках донских кадетов начала XX в.	179
Соколов В.В. Имперская составляющая в планах либеральной реформы избирательного законодательства (по материалам либеральных проектов Основного закона России)	188
РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В ПЕРСОНАЛИЯХ, ПРОГРАММАТИКЕ, ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ	192
Кара-Мурза А.А. Федор Августович Степун о «Старой России»	192
Протасов Л.Г. Социалист с душой либерала	203
Сабенникова И.В. Российский либерализм в зарубежной архивной Россике	214
Селезнев Ф.А. Партия кадетов в борьбе против сепаратного мира между Россией и Германией: судьба теории «двух заговоров» в советской историографии 1920 – 1960-х гг.	230

Егоров А.Н. Либералы глазами революционно-демократических кругов России второй половины XIX – начала XX в.	238
Гронский А.Д. «Единственная организация, представляющая опасность для существующего порядка, – это Дума»: парламент Российской империи глазами политической полиции (по жандармским воспоминаниям)	249
Усманова Д.М. Избирательные кампании как поле «словесных ристалищ»: ораторы либеральных и консервативных партий в выборах в Государственную думу 1906–1912 гг.	269
Алымова Н.И. «Самое крупное политическое событие нашей внутренней жизни» (итоги думских выборов 1912 года в оценке кадетской прессы).....	285
Туманова А.С. Либеральные идеи общественного переустройства в повестке дня Пироговских съездов 1915–1916 гг.	296
Карнишина Н.Г. Национальные окраины Российской империи в модели монархического государства конца XIX – начала XX вв.	308
Карнишин В.Ю. «Украинский вопрос»: взгляд М.С. Грушевского	317
Сорокин А.А. И.В. Гессен и вопрос о реформе местного суда Российской империи в начале XX в.	324
Гайда Ф.А. Правые кадеты: поиски новой повестки для партии (1909-1914)	328
Карпачев М.Д. Воронежская деревня накануне крушения монархии (к оценке кризиса социальной политики властей).....	336
Протасова О.Л. Первая мировая война в публицистике либеральных народников	353

Антохина Е.А.

Польская проблема и судьба империи в программе и тактике кадетов в годы Первой мировой войны 362

Сафонов А.А.

Думское либеральное законотворчество в сфере государственно-конфессиональных отношений (на материалах Государственной думы Российской империи III созыва)..... 371

Меркулов П.А.

Либеральная концепция молодежной политики начала XX в...... 382

Золотухина Е.К.

Права человека в проекте «гучковской» конституции..... 387

Кошелева С.В.

Вопросы собственности в «герценштейновском» проекте Основного закона России 392

Михайлов А.Ю.

Журнал «Церковно-общественная жизнь»: формирование либерального взгляда на актуальные церковно-общественные вопросы в российском православии начала XX в. 397

Кузнецов Ю.В.

Либеральный подход к проблеме патриотизма (по материалам общественно-политической полемики в США 90-х гг. XX в.)..... 407

лекалась в данном случае в форму размышлений о возможных территориальных изменениях Царства Польского¹.

Член ЦК Ледницкий, высказываясь за предоставление Польше полной политической независимости, даже пригрозил выходом из партии в случае опубликования проекта в печати². Милюков парировал: в основу проекта действительно положен этнографический принцип решения национального вопроса, но в какой мере его «удастся применить — ...решит война», «в деле освобождения Польши нельзя идти дальше предоставления ей самой широкой автономии»³.

Главный тезис лидера партии о том, что решение польского вопроса напрямую зависит от исхода войны, блестяще развил князь П.Д. Долгоруков на заседании МО ЦК в мае 1916 г. Его доклад определял степень влияния кадетской партии на польский вопрос при трех возможных сценариях: поражения России в войне, победы России и ее союзников, а также в случае отсутствия победителей и побежденных в принципе.

При первом исходе возможность какого бы то ни было влияния со стороны кадетов, по мнению докладчика, стремительно приближалась к нулю. Во втором случае все три части Польши должны быть объединены в самостоятельное государство с выходом в Балтийское море, тогда ЦК партии должен был заранее разработать и внести от имени России на рассмотрение международного конгресса специальный акт о восстановлении независимой Польши в ее этнографических границах. Наконец, при реализации третьего пути Россия будет в состоянии иметь влияние только в той части Польши, которая входила в ее состав до начала военных действий⁴.

Окончательно и откровенно позиция кадетской партии по польскому вопросу была изложена на заседании МО ЦК 8 ноября 1916 г., где были приняты тезисы по польскому вопросу⁵. Их концептуальным положением стало полное отрицание идеи признания независимости Польши, идеи, которая фактически идентифицировалась с ослаблением военного могущества России и, по сути, развалом империи. Кроме того, имелись и соображения и более частного характера, связанные уже с «сохранением лица» конституци-

¹ Там же. С. 181.

² Шелохаев В.В. Национальный вопрос... С. 110.

³ Съезды и конференции... С. 181-182.

⁴ Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России... С. 111.

⁵ Там же.

онно-демократической партии: признание независимости Польши, по мнению членов ЦК, могло бы скомпрометировать кадетов как в глазах русского правительства так и всего мирового сообщества.

Таким образом, незадолго до Февраля 1917 г. кадеты представили отнюдь не меньшими «реальными политиками», чем польские депутаты, получавшие подобные упреки со стороны Милюкова и Родичева на думских довоенных заседаниях. Ход Первой мировой войны и революционный процесс в России не могли не внести определенные коррективы в разработку национального вопроса главными либералами России как в стратегическом, так и тактическом смыслах. Оставалось меньше года до момента, когда в июле 1917 г. партийный лидер Милюков горько констатировал: «Хаос в армии, хаос во внешней политике, хаос в промышленности, хаос в национальном вопросе». Неумолимо приближалось время краха конституционно-демократической идеи в России. Однако представляется, что именно либеральная концепция решения национального, и в частности, польского вопроса, являлась одним из оптимальных способов его эволюции, гарантирующих целостность государства не только на следующие после Октября 1917 г. несколько десятилетий, а на гораздо более длительную перспективу.

А.А. Сафонов¹

ДУМСКОЕ ЛИБЕРАЛЬНОЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ III СОЗЫВА)²

Рубежными вехами реформирования вероисповедных отношений в России начала XX в. стали Указы 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка», а также 17 октября 1906 г. «О порядке образования и действия старообрядческих и

¹ Сафонов Александр Александрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

² Данное научное исследование (№ проекта 13-05-0010) выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013-2014 гг.

сектантских общин». По замыслу правительства, данные акты, провозглашавшие широкую веротерпимость и свободу совести в качестве основополагающих принципов политики государства в отношении вероисповеданий, должны были способствовать ослаблению национальных и межконфессиональных противоречий в Российской империи.

Значимый этап реформы вероисповедного законодательства, в ходе которого рельефно проявились противоречия либерализации государственно-конфессиональных отношений в России, связан с деятельностью Государственной думы III созыва (1907-1912 гг.). 5 ноября 1907 г., спустя четыре дня после открытия заседаний Государственной думы, председатель Совета министров П.А. Столыпин представил на ее рассмотрение законопроекты о свободе совести, оставшиеся нерассмотренными в Думе II созыва¹.

Для разработки и обсуждения вероисповедных законопроектов Дума сформировала три комиссии: по делам православной церкви в количестве 33 человек под председательством В.Н. Львова – октябриста, перешедшего после второй думской сессии в группу независимых националистов; по старообрядческим вопросам под председательством члена кадетской партии В.А. Караулова; по вероисповедным делам во главе с епископом Холмским и Люблинским Евлогием (Георгиевским), членом группы монархистов-националистов. Епископ Евлогий возглавлял вероисповедную комиссию только в первую думскую сессию. В мае 1908 г. председателем стал октябрист П.В. Каменский.

Правительственная концепция законодательного закрепления вероисповедной свободы выражалась формулой «свобода совести в православном государстве». В одной из своих думских речей, прозвучавшей в мае 1909 г., Столыпин констатировал: «Господа, наша задача состоит не в том, чтобы приспособить православие к отвлеченной теории свободы совести, а в том, чтобы зажечь светоч вероисповедной свободы совести в пределах нашего русского православного государства». Предложенный Столыпиным путь примирения «отвлеченного принципа вероисповедной свободы» со специфическими условиями конфессиональной жизни Российского государства состоял в том, чтобы «согласовать интересы вероис-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 39. Л. 144.

поведной свободы... с интересами господствующей первенствующей церкви». Обязанность представительной власти, по убеждению Столыпина, состояла в определении «политических, имущественных, гражданских и общеуголовных норм, вытекающих из вероисповедного состояния граждан», без вмешательства в канонические и догматические вопросы церковной жизни¹.

Первым законопроектом в области свободы совести, обсуждавшимся в Думе III созыва, был проект «Об отмене ограничений, политических и гражданских, связанных с лишением или добровольным снятием духовного сана». Рассмотренный в отнюдь не либеральной по составу комиссии по делам православной церкви и принятый ее большинством, проект предусматривал отмену ограничений в праве поступления на государственную службу для добровольно сложивших с себя духовный сан и лишенных его за пороки священно- и церковнослужителей. В отношении снявших сан монахов планировалась отмена ограничений на поступление на гражданскую службу и проживание в тех губерниях, в которых они жили в монашестве².

Проект был представлен в думском заседании 5 мая 1909 г. председателем комиссии по делам православной церкви октябристом Львовым. Фракция «Союза 17 октября» заявила о своей готовности голосовать за данный проект. Противниками законопроекта стали правые депутаты священники Ф.И. Никонович и К.Н. Добромыслов, председатель фракции правых профессор А.С. Вязигин³. Однако в целом их возражения касались более формы, а не содержания думского законопроекта. Законопроект был принят Думой в редакции комиссии по делам православной церкви. В Государственном совете он был немного отредактирован Н.С. Таганцевым и также одобрен. Однако утверждения императора проект не получил⁴.

¹ Свобода совести в православном государстве // П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. М., 2002. Т. 1. С. 65-66.

² Третья Государственная Дума. Материалы для оценки ее деятельности. СПб., 1912. С. 56; Каменский П.В. Вероисповедные и церковные вопросы в Государственной Думе третьего созыва и отношение к ним «Союза 17 октября». М., 1909. С. 31-32.

³ Каменский П.В. Указ, соч. С. 30.

⁴ Там же. С. 35; Третья Государственная Дума. Материалы для оценки ее деятельности. С. 56-57; РГИА. Ф. 810. Оп. 10. Д. 41. Л. 183.

9 мая 1909 г. в III Думе началось обсуждение законопроекта о старообрядческих общинах. Правила о старообрядческих и сектантских общинах, утвержденные императором 17 октября 1906 г. в порядке ст. 87 Основных законов, достались Думе III созыва в наследство от Думы II созыва, куда они также направлялись правительством.

Старообрядческая комиссия, рассмотрев законопроект, внесла в него три важных дополнения, расширявших вероисповедные права старообрядцев. Старообрядцам предоставлялось право свободной проповеди своего учения (в правительственном проекте – только свобода исповедания веры), их духовным лицам присваивалось иерархическое наименование «священнослужителей по старообрядчеству» (в министерском проекте они именовались «духовными лицами»), старообрядческим общинам давалось право открываться явочным порядком (согласно правительственному проекту, общины старообрядцев разрешались административной властью – губернскими либо областными правлениями)¹.

Предложения старообрядческой комиссии по законопроекту были представлены общему собранию Думы председателем комиссии Карауловым 8 мая 1906 г. Против думских «добавок» в правительственный законопроект, дававших старообрядцам право проповеди своего вероучения и именования своих духовных лиц «священнослужителями», выступил товарищ министра внутренних дел С.Е. Крыжановский. По его словам, предложения Думы означали вторжение государства в церковно-каноническую область, нарушали установления Православной церкви и ни правительством, ни Синодом ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах приняты быть не могли².

Сторону правительства и Синода заняли правые депутаты Думы и националисты, а также большинство думского духовенства. Диссонансом стала позиция меньшинства думского духовенства, выраженная в выступлении священника Исполотова, которая сводилась к тому, что запрещение проповедей не согласовывалось ни с учением Православной церкви, ни с Манифестом 17 октября

¹ Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. III созыв. Сессия II. 1908-1909. СПб., 1909. С. 63-65; Каменский П.В. Указ. соч. С. 38.

² Государственная Дума. III созыв. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. СПб., 1909. С. 1006-1010, 1023-1029.

1905 г., а также не имело иных последствий, как только возбуждение религиозного фанатизма¹.

С поддержкой думского законопроекта о старообрядческих общинах выступили октябрист П.В. Каменский, прогрессист А.А. Уваров, кадет В.А. Маклаков, член трудовой группы томский крестьянин А.Г. Мягкий². На защиту проекта старообрядческой комиссии встал также лидер октябристов А.И. Гучков, отмечавший, что внесенные Думой поправки являлись насущным требованием российских старообрядцев, были нацелены на ликвидацию жестоких притеснений и гонений, которым они подвергались. Свою речь докладчик завершил изящным риторическим рефреном: «Господа, не просто закон о старообрядческих общинах мы обсуждаем, не старообрядчество мы судим, – мы судим самих себя; и тот приговор, который вы вынесете себе, голосуя по этому закону, тот приговор подпишет вам и история»³. 15 мая 1909 г. в первом постатейном чтении законопроект был принят. Как указывал П.Н. Милюков, старообрядческий закон был «первым истинно-либеральным законом третьей Думы», который произвел во всей России «самое радостное впечатление»⁴.

21 мая 1909 г. законопроект о старообрядческих общинах был передан в Государственный совет. Однако для членов верхней палаты российского парламента думская редакция показалась неприемлемой. Большинство Государственного совета с настороженностью относилось к вероисповедным реформам 1905-1906 гг. и в согласии с правительством отклонило предложения нижней палаты⁵.

Редакция законопроекта, предложенная Государственным советом, в свою очередь, не устроила Думу. Согласительной комиссией, образованной законодательными палатами на паритетных началах, компромисса найдено не было, и думский законопроект, что называется, «повис в воздухе». В итоге Думе ничего не оставалось, как выбрать из двух зол меньшее, продлить действие изданных в порядке ст. 87 Правил о старообрядческих и сектантских об-

¹ Там же. С. 1269-1270, 1353-1360, 1398.

² Там же. С. 1041-1049, 1060-1065, 1072-1079, 1086-1098.

³ Старообрядческий законопроект // Микетов Я. Что сделало народное представительство третьего созыва. СПб., 1912. С. 183, 186.

⁴ Милюков П.Н. Третья Государственная дума и деятельность в ней фракции народной свободы. СПб., 1909. С. 35.

⁵ Демин В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906-1917. М., 2006. С. 99.

щинах, дававших старообрядцам права существенно большие, чем те, которые проектировались верхней палатой¹.

Яркой страницей деятельности Думы III созыва стало обсуждение законопроекта «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое». Законопроект рассматривался думской комиссией по вероисповедным делам. Согласно проекту, доработанному и принятому большинством членов вероисповедной комиссии Думы в течение осенней сессии 1908 г., каждому лицу, достигшему 21 года, предоставлялось право переходить в любое вероисповедание или вероучение, принадлежность к которому не была уголовно наказуемой. Таким образом, Дума уравнивала вероисповедания перед законом. В правительственной же редакции законопроекта переход из христианства в нехристианскую веру был запрещен, и свобода выбора христианами нового вероучения замыкалась рамками христианской веры².

Думское обсуждение законопроекта о вероисповедных переходах было настолько бурным, что привело к перегруппировке партийного состава представительного органа власти. Часть октябристов (20 человек), недовольная решением своей фракции, ушла из «Союза 17 октября», примкнув к националистам и к группе правых октябристов. Национальная группа (21 человек), объединившись с фракцией умеренно-правых (76 человек), образовала русскую национальную фракцию, насчитывавшую к началу третьей сессии 91 человек и ставшую второй по численности партийной группой после октябристов, сохранивших к началу 3-й сессии в своем составе 123 человека. Единство октябристов и националистов, составлявших до этого прочное большинство, было разрушено³.

После продолжительного обсуждения в комиссии законопроект о переходе из одного вероисповедания в другое был представлен общему собранию Думы 22 мая 1909 г. Докладчиком по нему явился октябрист П.В. Каменский. Раскрывая основную идею законопроекта, Каменский указал, что всякому лицу, достигшему известного возраста, должно быть предоставлено право веровать так, как

¹ Там же. С. 220; Третья Государственная Дума. Материалы для оценки ее деятельности... С. 59.

² Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. III созыв. Сессия II. С. 58-60.

³ Рожков В. Церковные вопросы в Государственной думе. М., 2004. С. 85-86.

подсказывает ему голос его совести, избирать вероучение по свободному внутреннему убеждению¹.

Вторым взял слово председатель правительства Столыпин. Обобщив основные идеи доклада Каменского, Столыпин обвинил возглавляемую им комиссию в чрезмерно формализованном, отвлеченно теоретическом подходе к вероисповедному вопросу. Предметом категорических возражений премьер-министра стало положение законопроекта о введении свободы перехода из христианства в нехристианские вероучения: «... тот же народ, господа, не уразумеет закона чисто вывесочного характера, который провозгласит, что Православие, христианство уравнивается с язычеством, еврейством, магометанством. ...Помните, что вероисповедный закон будет действовать в русском государстве и что утверждать его будет русский царь, который для с лишком ста миллионов людей был, есть и будет Царь Православный»².

Позиция противников думского законопроекта о вероисповедных переходах в обобщенном виде была представлена в выступлении епископа Евлогия (Георгиевского), поддержавшего министерскую редакцию законопроекта. Ссылаясь на пример Холмщины, где в 1905 г. после издания указа 17 апреля 1905 г. за две-три недели в католичество перешло около 150000 человек, епископ предостерегал против «всяких забеганий вперед», советовал не спешить с расширением содержания Указа 17 апреля 1905 г, что, по его мнению, неизбежно приведет к уравниванию христианской и нехристианской вер и санкционированию принципа религиозного безразличия³.

С позиции защитников законодательных предложений вероисповедной комиссии Думы выступили кадеты Маклаков и Караулов, октябрист Д.А. Леонов⁴. Представители кадетской фракции Думы Милюков и Н.К. Волков доказывали, что логическим продолжением свободы совести является невероисповедное состояние, предлагали ходатайствовать перед правительством об его узаконении⁵.

¹ Никаноров И. Церковные и вероисповедные вопросы в III Государственной Думе. СПб., 1912. С. 41.

² Государственная дума. III созыв. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1753-1763.

³ Там же. С. 1765-1777.

⁴ Там же. С. 1777-1787; Никаноров И. Указ. соч. С. 42.

⁵ Государственная дума. III созыв. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. IV. С. 1817-1823, 1900-1910.

В итоге законопроект «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое» был принят Думой с несущественными поправками 30 октября 1909 г. 130 голосами против 91¹. В том же 1909 г. он был передан в Государственный совет. Как и по старообрядческому проекту, верхняя палата образовала комиссию под председательством П.Н. Дурново. Докладчиком по законопроекту выступал бывший министр юстиции С.С. Манухин. Комиссия переработала законопроект в консервативном духе, вернувшись к положениям правительственной редакции о недопущении перехода из христианства в нехристианскую веру.

Для урегулирования позиций по законопроекту верхней и нижней палат была образована согласительная комиссия, куда вошло 7 представителей Государственного совета и столько же членов Думы. Однако Государственная дума с принятыми Государственным советом поправками не согласилась².

Важно отметить, что к началу третьей думской сессии (октябрь 1909 г.) отношение Совета министров к вероисповедным реформам существенно изменилось. Очевидно, на это повлияла позиция Синода, а также далеко неформальные дискуссии, встречавшие министерские законопроекты в комиссиях и общих собраниях Думы. Думское законотворчество в вероисповедном вопросе вызвало крайне негативную реакцию в правых кругах. На имя императора и премьера правые направляли многочисленные телеграммы с просьбой защитить Православную Церковь от думских «законостроителей», не допустить, чтобы иные веры, включая старообрядческий раскол, были уравнены со святым Православием³. По свидетельству либеральной печати, осенью 1909 г. в ряде губерний при поддержке священнослужителей, придерживавшихся правых взглядов, была организована широкая агитация против принятия вероисповедных законов в думской редакции⁴.

А.А. Дорская справедливо связывает изменение правительственного тона в вероисповедных вопросах с разразившимся в апреле 1909 г. «министерским» кризисом, едва не стоившим Столы-

пину кресла и ослабившим его позиции в правительстве¹. Премьеру пришлось отречься от курса реформ, отмежеваться от октябристов, переориентироваться на политику национализма и, сделав ставку на продвижение своего главного детища – аграрной реформы, пожертвовать остальным.

В октябре 1909 г. Министерство внутренних дел забрало из Государственной думы находившиеся на рассмотрении вероисповедной комиссии законопроекты «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям» и «О вызываемых провозглашенной Высочайшим манифестом 17 октября 1905 г. свободой совести изменениях в области семейственных прав»². В письме к обер-прокурору Св. Синода С.М. Лукьянову Столыпин писал, что «пришел к убеждению, что большинство замечаний Синода... должны повлечь за собой исправление министерских законопроектов»³.

В третью сессию (октябрь 1909 г. – май 1910 г.) Дума III созыва значимых законопроектов не рассматривала, хотя острые вопросы межконфессиональных отношений поднимались Думой в ходе ее запросной работы.

В течение четвертой сессии Государственной думы, проходившей с осени 1910 г. по весну 1911 г., комиссия по вероисповедным вопросам рассмотрела и передала в общее собрание Думы законопроект «Об издании правил относительно секты мариавитов», сводившийся к признанию этой католической секты законно существующей, разрешению ей исповедовать свое вероучение и исполнять обряды по своим обычаям⁴. Законопроект был принят Государственной Думой 13 мая 1911 г. в редакции вероисповедной комиссии, обсужден Государственным советом и согласительной комиссией, повторно рассмотрен и принят Думой с учетом корректив верхней палаты 8 марта 1912 г. и утвержден императором 11 марта 1912 г.⁵

¹ Дорская А.А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001. С. 101.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 39. Л. 325; Д. 41. Л. 40, 152.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 39. Л. 346-346об.

⁴ Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. III созыв. Сессия IV. 1910-1911. СПб., 1911. С.79-81.

⁵ Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в период думской монархии (1906-1917 гг.). М., 2000. С. 150-151.

¹ Государственная дума. III созыв. Стенографические отчеты. Сессия 3. Ч. 1. С. 1024.

² Демин В.А. Указ. соч. С. 221; Рожков В. Указ. соч. С. 106.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 39. Л. 228, 308, 315.

⁴ Речь. 1909. 16 сентября.

В пятую сессию (осень 1911 г. – весна 1912 г.) вероисповедная комиссия, имевшая всего три заседания, рассмотрела и передала в общее собрание Думы законопроект «Об инославных и иноверных религиозных обществах» и проект «Правил о сектантских общинах». Они были объединены в законопроект «Об инославных и иноверных вероисповедных общинах и обществах». Основной религиозной единицей признавалась община, создававшаяся явочным порядком определенным числом последователей вероучения и обладавшая правами юридического лица. Помимо религиозных общин и обществ, законопроект предусматривалась возможность возникновения более крупных вероисповедных союзов¹. Общим собранием III Думы законопроект рассмотрен не был. В 1912 г. он был взят из IV Думы для доработки Министерством внутренних дел².

В пятую сессию вероисповедная комиссия также приняла и направила в Государственный совет законопроект «Об упорядочении гражданско-правового положения старообрядцев, браки которых не записаны в метрические книги». В Государственном совете законопроект был обсужден комиссией законодательных предложений, затем – особой согласительной комиссией, составленной на паритетных началах из членов Думы и Государственного совета. 17 июля 1913 г. законопроект был утвержден императором³.

Таким образом, взаимодействие палат Государственной думы III созыва в двух случаях завершилось успешно. Само по себе это было достижением. Вместе с тем, действия Думы в сфере проведения вероисповедных реформ были оценены современниками критически. Вышедшее в свет в 1912 г. либеральное петербургское издание писало: «В области свободы совести..., если не считать мелких проектов об упорядочении браков старообрядцев и об узаконении секты мариавитов, в которой наше духовенство видит средство борьбы с католицизмом, третьей Думой не было сделано ничего»⁴.

¹ Государственная Дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. III созыв. Сессия V. 1911-1912. СПб., 1912. С. 96-102.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 41.

³ Законопроекты по делам православной церкви, внесенные на рассмотрение Государственной думы 3-го созыва в 3-ю сессию и доклады по ним Комиссии по делам православной церкви. СПб., 1910. С. 173-191; РГИА. Ф. 810. Оп. 10. Д. 41. Л. 221-222.

⁴ Третья Государственная Дума. Материалы для оценки ее деятельности... С. 69.

Консерваторы критиковали правительство и Думу с иных позиций, возлагая вину в большей мере на правительство, чем на представительный орган власти. По их мнению, «величайшая ошибка» правительства Столыпина состояла в том, что оно представило в Думу вероисповедные законопроекты, нацеленные на разрушение церковно-государственной «симфонии», являвшейся содержанием отношений государства и церкви на протяжении всего синодального периода. «Эти законопроекты, – писали «Московские ведомости», – не совершают немедленного разобщения государства от религии, но ставят законодательство на путь разобщения... Ошибка правительственного реформирования была двойная: оно разъединяло государственное здание с его собственным фундаментом, разрывало то, что должно быть соединено... Вот такую... ошибку делает тот, кто для спасения государственного принципа жертвует принципом религиозным»¹.

Существовало и третье мнение, высказанное С.Ю. Витте, что Дума III созыва в разработке вероисповедных законов «действовала добросовестно», и неудача вероисповедной реформации была связана не с нею, а с Государственным советом, исказившим законопроекты так, что «соглашение последовать не могло». Однако основную ответственность за непринятие вероисповедных законов Витте возлагал на Столыпина, не принимавшего в их обсуждении в Думе активного участия и совсем «ушедшего в нору», когда они поступили в верхнюю палату, предоставившему ей возможность «расправиться с этими проектами по-своему»².

Итак, подведем некоторые итоги. Думская модель реформирования вероисповедных отношений в период деятельности Думы III созыва не смогла реализоваться. Однако это не означало ее теоретической несостоятельности. В 1907-1912 гг. парламентарии проводили принцип свободы совести более широко и последовательно, чем исполнительная власть. Их понимание вероисповедной свободы в большей мере отвечало идеалам правового государства, на пути к которому находилась Россия.

Думское законотворчество было нацелено на глубокую реформу вероисповедных отношений. Предлагалось предоставить насе-

¹ Московские ведомости. 1912. № 234; Прибавление к Церковным ведомостям. 1912. Ч. II. № 42. С. 1698-1700.

² Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2. С. 482.

лению право свободно избирать себе вероисповедание, распространить право на свободу религиозной пропаганды на все вероучения, признанные государством. Была осуществлена подготовка законопроекта о ликвидации вероисповедных и национальных ограничений, проектировалось изъятие из Свода законов дискриминационных статей, а также отмена подзаконных актов, ограничивавших в правах инославных и иноверных российских подданных.

Главная причина относительно слабой результативности законотворческой работы Думы состояла, на наш взгляд, в существовании весомых разногласий между правительством и Думой, придерживавшихся различных концепций вероисповедной реформы. Правительственный кабинет отстаивал идеологию конфессионального государства, приоритетные позиции в котором принадлежали бы Православной церкви, тогда как большинство депутатов нижней палаты парламента высказывались за паритетную систему, предполагающую равный правовой статус конфессий. Уступать никто из участников законотворческого процесса не хотел, поэтому думские законодательные инициативы «вязли» в верхней палате российского парламента, стоявшего по основным вопросам вероисповедной реформы на позициях правительства, и теряли в многочисленных согласительных комиссиях свое реформаторское содержание.